

...Знаменитая артистка лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

— Прекрати сейчас же.

— Как ты думаешь, зачем она там легла?

— Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

— Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

— Она... почему она лежит?! — вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями — так ей вдруг сделалось страшно.

Утром этого же дня

...Ну вот, опять!.. Начинается! Опять она зовет — что-то ей понадобилось! Ну, невозмо-о-ожно! Ну, невыноси-и-имо!..

— Что еще?!

— Настя, брось телефон и подойди ко мне.

— Заче-е-ем?

Пауза. Словно она там, внизу, оглохла!

— Заче-е-ем, спрашиваю?!

— Зате-е-ем!

...Ни за что не пойду. Вот ни за что! Пусть она хоть сколько там орет. У меня дела, что тут непонятного? Важные, настоящие дела: перепостить кота, такой прикольный, а разослать не успела, отвлеклась на Соню. У кота та-акой бант и спит прям, как человек. А Соню лайкнуть надо? Надо! Она фотки завтрака выложила, все так красиво-красиво, а лайков всего семнадцать, обидится еще. Нельзя, чтоб обиделась, она кул, иногда зовет в свою тусу, а туса у нее что надо. Еще к Марьяне зайти, говорят, она Рустама из друзей удалила, нужно проверить.

— Настя!

— Ба, отстань, я занята.

— Ты ничем не занята. Спускайся немедленно!

...Только-только кота перепостила!..

Настя спешно лайкнула Соню — она кул! — сунула телефон в задний карман джинсов и, выбегая из комнаты, изо всех сил бабахнула дверью — чтоб мало никому не показалось.

Старый дом содрогнулся.

Дом содрогнулся, а *она* — хоть бы хны. Так и стоит возле лестницы, лицо деревянное, спина выпрямлена, руки по швам — истукан!..

— Я занята, на тур сейчас поеду! У меня экзамен! Ты что, не в курсе?! Я готовлюсь!

— Не морочь мне голову, — отрезала бабка-истукан, — ни к каким экзаменам ты не готовишься. И не готовилась!..

— Готовилась! Я готовилась!..

— Возьми лейку и полей гортензию, которая возле крыльца. Мне тяжело.

— Ба, у меня экзамен через три часа!

— А я гортензию только что посадила, — ответствовала бабка, словно какая-то гадкая гортензия имела значение! — Ее нужно полить.

Бормоча себе под нос ругательства, негодуя и злясь, Настя помчалась в прихожую. Когда она пробежала мимо бабки, та ловким движением выхватила у нее из кармана джинсов телефон.

— Ты что-о-о?! — завывла Настя, хватаясь за опустевшую без телефона, словно чужую задницу. — Зач-е-ем?!

Бабушка усмехнулась, вздернула брови и ответила, что при поливе гортензии телефон не требуется.

Настя слышала, как он, бедный, издает призывные звуки — в чужих руках!.. Он призывал Настю туда, где кипела жизнь, выкладывали фотки, лайкали, постили и перепощивали. Там ждали ее, Настю, там обменивались смешными шутками и важными новостями, в мессенджерах кипели недюжинные страсти, а Настя уже целую минуту... ни при чем. Она не живет уже целую минуту!

И потом. Она хорошо знает свою бабку!.. Та вполне может отобрать телефон до вечера, раз уж она его добыла!..

— Ба, — заговорила Настя плачущим голосом. Нужно как-то разжалобить противника, но разве *такую* разжалобишь! — Я полью эти твои гладиолусы и еще чего-нибудь полью, но телефон мне нужен, понимаешь?.. Он мне для института нужен! Вдруг там что-то произойдет, а я даже не узнаю!

— Например, что? Произойдет? — осведомилась безжалостная бабка.

— Я не знаю! Отменят или перенесут! Или вообще!..

— Вообще ты сейчас польешь гортензию, потом выпьешь чаю с бутербродом и поедешь в институт.

— Без телефона?!

Бабушка засмеялась — ух, как Настя ее в этот момент ненавидела! — и ушла.

Роняя вещи и пиная все, что попадалось на пути, Настя напялила раздолбанные зеленые галоши — их она тоже ненавидела изо всех сил — и выкатилась на улицу.

— Я актриса! — заорала она во все горло в сторону окон, за которыми, по ее мнению, притаилась бабка. — Я не стану поливать ваши долбанные цветы и носить ваши сраные галоши!.. Я уеду, уеду!.. И вы меня не заставляйте!.. Я поступлю и перееду в общагу!.. И слова тебе больше не скажу! Никогда!.. И ты пожалеешь!

— Настя, лей под корень, — мирным голосом сказала бабка у нее за плечом. — Ты больше проливаешь.

Оказывается, змея не гнездилась в доме, а выползла через заднюю дверь и подкралась.

Настя вылила воду из старой-престарой садовой лейки и ринулась к кадушке зачерпнуть еще.

— Я стану знаменитой на весь мир! — говорила она страстно. — Я буду сниматься у самых великих режиссеров. И вы узнаете!.. Вы пожалеете все, все!.. А ваши гортензии пусть лучше подохнут!..

— В котором часу у тебя испытание? — как ни в чем не бывало осведомилась бабушка, когда внучка подволокла лейку.

— Я не знаю! — заорала Настя. Толстая струя воды выхлестнулась из рыхлой земли и залила галоши верхом. И на джинсы попало! — Ты телефон отобрала! И это не испытание! Это тур! Приемный ту-ур! Ты что, не понимаешь?!

— Я не понимаю, как связаны телефон и время испытания, — сказала бабушка. — Нужно еще одну лейку. Или время назначает сам телефон?

— Время назначает приемная комиссия, чтоб ты знала, дорогая бабуля! — Настя долила воду и вновь помчалась к кадушке. — Но его могут перенести! Ты понимаешь? Пе-ре-нес-ти! А я не узнаю!..

— Если время перенесут, повесят объявление. Ты явишься в институт и все узнаешь.

— Бабушка, сейчас так никто не делает! Не де-ла-ет ник-то! Все узнают новости в инете!..

— Бог в помощь, — ответствовала бабушка, не дрогнув. — Поставь лейку под навес, прими душ, переоденься и за стол. У тебя мало времени. Разумеется, я в маразме, но время испытаний помню без всякого телефона. Оно назначено на три.

После чего змея уползла в дом.

Настя проводила ее ненавидящими глазами.

...Они ничего не понимают, ни бабка, ни мать! Ничегошеньки!.. Конечно, они совсем старые — матери в этом году стукнуло сорок, рехнуться можно, а бабке вообще никто не знает сколько, может, даже шестьдесят. Но и у старых куриц должны быть какие-то мозги в голове! Настя будет актрисой, она так решила давным-давно, лет в пятнадцать! Это ее призвание, ее выбор! Она творческий человек — в детском саду рисовала прилично, у матери сохранились альбомы с домиками и снеговиками. На всех утренниках была то Снегурочкой, то Весной, то Принцессой. И еще у нее голос, она поет! И делает красивые прически! Однажды матери сделала причесон на какой-то скучный корпоратив, так мать потом говорила, что все спрашивали, в какой парикмахерской она побывала! Настя будет актрисой, поступит в театральный и станет сниматься в кино. Бабка язвительно возражала, что в кино готовят в кинематографическом, а не в театральном, но какая разница! Вот какая?! Если ничего не понимаешь, молчи лучше! Настя в инете изучила блоги великих актрис, и они все закончили театральный!.. И Светлана Дольчикова, и Эльгиза Тухерова, и Аня Весовская! Впрочем, что Дольчикова и Тухерова! Настя непременно будет сниматься в Голливуде, в «Игре престолов»! То, что показали якобы последний сезон — это все глупости! Институт пролетит

быстро, подумаешь, четыре года, и она сразу же начнет сниматься. «Игра престолов» — гениальное кино, гениальное, его создатели еще сто раз передумают и продолжат снимать, а Софи Тернер и Мэйсон Уильямс к тому времени совсем постареют, им будет к тридцати.

...Какой ужас — тридцать лет!..

Надо же, бабка телефон отобрала! Он нужен как воздух, этот телефон!.. Вот что сейчас обсуждают в группе «Мы звезды»?! Настю на предыдущем прослушивании подписали! В этой группе все самые клевые чуваки с абитуры, и все ненавидят блатных! Ну, тех, о которых известно, что они уже заранее поступили, всякие дочки-сыночки! Настя, разумеется, блатных тоже ненавидела — от зависти. Вот никто, ник-то, ни мать, ни бабка не позаботились о ней, начинающей актрисе, как следует!.. О ней некому хлопотать. Мать нуль, пустое место, торчит в своем учреждении с утра до ночи, да еще работу на дом берет, сидит по вечерам за столом, строчит какие-то отчеты. О бабке и говорить нечего, откуда у нее связи!.. В молодости она работала в Пушкинском музее, Настя в этом самом музее каждый закоулок знает, каждую дверь, каждый пожарный выход! И что толку?.. Вот что толку?! Вот как это так, всю жизнь прожить и не нажать никаких, даже вот такушеньких связей! Настя, как только станет сниматься в Голливуде, тотчас же заведет дружбу со всеми знаменитыми блогерами, интернет-журналистами, сетевыми писателями и поэтами!.. Говорят, еще со спортсменами модно дружить, значит, и с ними тоже зафрендится!.. И у нее будет сколько угодно связей!..

В своей комнате, где царил не просто разгром, а сущий хаос, как в магазине китайского секонд-хенда после налета стихии, Настя принялась остервенело раскапывать курганы баракла. Ей нужно выглядеть!.. Вы-глядеть! Она должна понравиться! В группе «Мы звезды» девчонки уделяли внешнему виду особое внимание. Не-

которые говорили, что хорошо бы посерьезнее — очки там, юбка-карандаш, блузка под горло и сумка «Гуччи», с пристрастием выбранная на рынке «Садовод». Другие активно возражали — смотрят не на очки и сумку, а на красоту! Кра-со-ту! Что в первую очередь требуется от актрисы? Правильно, чтоб была красивой!..

Настя решила быть красивой — ультракороткая юбочка, полосатые гольфы, топик, чтоб пупок чуть приоткрыт и чтоб с одного плеча спадала бретелька. Туфли, туфли... какие же сюда туфли? Хорошо бы лакированные, открытые — так сейчас носят, так модно, открытые туфли на носки! Но таких туфель не было, что там мать зарабатывает, одни слезы, не допросишься ничего — Настя обвела глазами курганы одежды, — значит, кеды. Да, пусть будут кеды.

Почти постанывая от жгучего, злобного нетерпения — хоть бы скорей вернуть телефон, хоть бы скорей! — она сделала контуринг, навела брови, нарисовала стрелки. Настя была счастливой обладательницей палетки «от Кайли» — отдала за нее все накопленные деньги!..

Волосы она подвила еще с утра и специальным образом спрятала под косынку — нужно просто потряхнуть головой, и они рассыплются локонами.

— Настя, тебе пора, — объявила бабка.

— У меня нет телефона, я не знаю, сколько времени! — проорала внучка в ответ.

— Около двенадцати, — проинформировала бабка. — И следует говорить не «сколько времени», а «который час», ты прекрасно это знаешь. Спускайся.

Когда Настя сбежала с лестницы, стол был уже накрыт — что-то такое в тарелке и что-то в кружке. Бабка-змея в кресле шуршала газетой. Поглядите на нее! Она до сих пор газеты читает, как... как первобытный рептилоид!..

Завидев внучку, бабка несколько изменилась в лице и отложила газету.

— Что?! — рявкнула Настя. — Что ты на меня устави-
лась?! Где мой телефон?! И есть это я не буду! Это люди
не едят, известно тебе? Дай мне тысячу, я куплю в «Гряд-
ке» киноа и фраппе на миндальном! И поем как человек!

— Зеленые щи и морс, — парировала бабка. — Пока
не съешь, никаких телефонов.

— Я не стану это есть!..

— Не ешь, — легко согласилась бабка. — Тогда уда-
чи тебе на испытаниях, внучка. Электричка через сорок
минут, ты успеваешь с запасом.

— Отдай телефон! Сейчас же!..

— Щи и морс.

— Нет!

— Тогда удачи.

...Плакать нельзя. Никак нельзя плакать! Глаза по-
текут, контуринг поплывет. Господи, что ей, моло-
дой актрисе, приходится выносить, какие претерпевать
страдания! И перед самым ответственным в ее жизни
событием!..

...Впрочем, где-то, то ли как раз у Дольчиковой, то
ли у Тухеровой был пост про страдания. Это, мол, по-
лезно для карьеры. Чего-то там потом с ними нужно де-
лать, со страданиями, как-то перерабатывать, что ли, и
из этого выходит что-то, режиссерам нравится.

Глубоко и сильно дыша от ненависти и страданий,
Настя уселась за стол и принялась за щи.

Страдания переработались очень быстро! Шавеле-
вые щи с ломтиком яйца, изрядным куском разварного
мяса, с молодой картошкой и сладкой ватрушкой впри-
куску — бабушка всегда подавала сладкие ватрушки к
щавелевым шам — будущая актриса любила с самого
детства. Разлюбила только недавно, когда выяснилось,
что щи, да еще с мясом, запрещены, а уж ватрушки!
Кто-нибудь знает, сколько в них глютенa?! И тесто баб-
ка ставит на самом примитивном коровьем молоке, не
на миндальном или кокосовом!

Настя умяла вторую ватрушку, доела щи и залпом выпила морс.

— Ну вот, я съела. Где телефон?..

— Позвони, как освободишься, — велела бабка. — До ночи нигде не болтайся. Как только тебя... В общем, сразу езжай домой.

Настя исподлобья смотрела на нее. Все ясно! Старуха не верит в ее, Настин, успех. Она заранее знает, что не будет никакого успеха, а будет провал.

...Вот вы все посмотрите! Вы узнаете! Вы не верите, вы надо мной издеваетесь, телефоны отбираете, а я вам всем докажу! Я стану знаменитой и в вашу сторону вообще больше ни разу не посмотрю!..

— Телефон у тебя в рюкзаке, — как ни в чем не бывало продолжала бабка. — И мой тебе совет, Настюша...

— Не нужно мне советов, — пробормотала внучка. Она рылась в рюкзаке, сердце у нее дрожало, она чувствовала, что телефон где-то рядом.

— Постарайся, — сказала бабушка. — Вот просто постарайся. Со стороны всегда видно, когда человек старается.

Настя прижала телефон к груди. Господи, сколько там всего неотвеченного, несмотренного, неохваченного — жизнь, целая жизнь мимо прошла!

— Чем советы идиотские давать, помогла бы лучше. — Настя зашнуровала кед, перекинула локоны на другую сторону и принялась за второй. — Мы как в пустыне живем, ни связей, ни знакомств, ни-че-го!.. Если б хоть кто-нибудь за меня попросил! Кто-нибудь!

— В актрисы не идут по звонку.

— Ты знаешь, какой в этом году конкурс?! Или мать, может, знает?! Восемьсот человек на место! Почти тыща!..

Бабушка помолчала.

— Будем надеяться, из них выберут самых достойных.

Настя хотела заорать и затопать ногами, но бабушка легонько подтолкнула ее в спину и незаметно переkreстила.

— Не задерживайся, — напоследок сказала она в спину внучке, когда та уже мчалась по дорожке.

— Да ладно! — крикнула будущая актриса, не обращившись.

Она на ходу смотрела в телефон, торопливо листала сообщения, захлебываясь от нетерпения.

— Беда, — констатировала бабушка.

В Настиной «десятке» в основном все были... топ. «Луки» котировались по-нормальному. Настя незаметно оглядела себя — все круто, пипец!.. Правда ее немного расстроило, что среди девиц оказалась ну очень похожая, прям сестра-близнец. Но та была как раз в лаковых красных туфлях. Может, и хорошо, что мать-нищенка Насте таких в свое время не купила?..

В аудиторию запускали сразу всю «десятку», на середину паркета вызывали по фамилии, слушали плохо. Особенно один, громадный, как лесничий Хагрид, весь заросший кудрявым волосом, — вот кого Настя сразу невзлюбила!.. Он мешал всей приемной комиссии, чего-то все копался в своем телефоне, беззвучно хохотал, разевая белозубую пасть, совал телефон за спинами, и экзаменаторы оглядывались, передавали, смеялись, — вот зачем ему в таком ответственном деле, на приемных турах, телефон?!

Когда очередь дошла до Насти, стало ужасно... неловко и страшно. Куда-то делась вся уверенность в себе. Зачем-то она стала одергивать юбочку, хотя ноги у нее сногшибательные, это точно, поправлять бретельку, задуманную неспроста, подпихивать под лифчик, чтоб не сваливалась, и сексуальный топик задирался на животе, а живот у нее — слабое место. Кубиков мало.

Волосатый и зубастый равнодушно сказал:

— Представьтесь, пожалуйста, — и не поднял от телефона глаз.

Будущая звезда пролепетала, что звать ее Настя, фамилия Морозова, родилась и выросла в Москве, в этом году заканчивает школу — тут она забыла номер школы. Умеет петь и танцевать — зачем ляпнула, дура, сейчас закатают на какое-нибудь эстрадное отделение?!

— Так, может, пусть сразу спляшет? — оживился волосатый, не отрываясь от телефона.

— Секундочку, Игорь Маркович, — перебила строгая дама в очках, по слухам, в прошлом великая актриса, а сейчас гениальный педагог. — Девушка явно готовилась. Это видно невооруженным глазом. Начинайте, девушка.

У Насти готов был Бродский, про «скобки года», басня «Лиса и Бобер» и монолог этой дуры Наташи Ростовской, которая хотела полететь с балкона.

Прервали ее почти сразу, на Бродском.

— Достаточно, — объявил волосатый и мельком на нее глянул. — Все, все, вы свободны.

— Да, но у меня еще эта... как ее.. Наташа... и бобер потом...

— Списки смотрите, — велел волосатый. — Будут списки, там смотрите!.. Давайте следующего!

Тут произошло неожиданное: он вдруг высоко подкинул телефон, поймал, ловко сунул в карман — кажется, прямо карманом поймал! — поднялся, раскинув руки, и пошел на Настю с воплем:

— А-а-а!.. А-га-га-а-а!..

Настя в панике скакнула в сторону, как коза.

— Вот кого я ждал! Вот ради кого мучения принимал нечеловеческие! А она! Вечно опаздывает, Лиса Патрикеевна!..

И набросился с объятиями на тоненькую и хорошенькую девушку, как-то незаметно проскользнувшую

в экзаменационный класс и оказавшуюся как раз за спиной у Настя.

Хорошенькая и тоненькая засмеялась неожиданно низким смехом, почти басом, и вдруг... Настя ее узнала. Все ее узнали.

Знаменитая артистка Светлана Дольчикова, в кино высоченная, гладкая, длинноногая, на самом деле оказалась маленькой и очень худой девушкой — локоть, на котором висела сумочка, выпирал, как шило из мешка!.. Лицо очень бледное, прямо белое, может, от того, что не накрашенное совсем?.. Следом за ней вошел крепкий мужик средних лет, наоборот, очень загорелый, прямо индеец из фильма про детей капитана Гранта!.. Насте в детстве страшно нравилось это кино!

— Иди, иди! — Волосатый и огромный подтолкнул знаменитую Дольчикову к столу приемной комиссии. — Посиди за меня!.. Посмотри, какая талантливая молодежь к нам в этом году ломится!.. Давай-давай!.. А мы вот с Александром Наумовичем поговорим пока!.. А, Наумыч?..

Хм, не очень-то он с ней почтителен!.. А это же сама Дольчикова! Такая знаменитость! Из самого что ни на есть первого ряда, все ее снимают, ну, вот — все!..

Настя еще сильнее невзлюбила волосатого, о чем и сообщила в коридоре какому-то претенденту на актерскую долю, торчавшему под самой дверью класса.

— Ты че, не в себе? — обидно спросил претендент. — Это ж сам Серебряйский, ректор. Он на прослушиваниях никогда не бывает, вообще непонятно, почему сегодня приехал!..

— Подумаешь, ректор! — фыркнула перепуганная насмерть Настя. Сам ректор не стал ее слушать, вот ужас-то! — Ты видел Дольчикову? Вот это — да-а-а!..

— Че да-то? — перебил претендент, вытягивая шею и пытаясь расслышать, что происходит в классе. Там кто-то что-то громко говорил, довольно давно, его не

перебивали, надо же. — Просто артистка, таких до мамы!..

— До мамы?! — взвилась Настя. — Ну, ты дурак совсем!..

Претендент махнул на нее рукой.

...В просторном коридоре клубилась и гудела толпа. Носились озабоченные молодые люди с какими-то бумажками. Абитуриенты сидели на полу и подоконниках, один пристроился на край керамической кадки, из которой торчала тщедушная пальма. Некоторые что-то шептали, закатив глаза, другие нервно хохотали, три девицы в углу обсуждали нечто явно секретное, потому что говорили друг другу на ухо — во всем этом гудеже! — то и дело заговорщицки оглядывались по сторонам.

Настя нервно облизала губы, потом вытерла их тыльной стороной ладони. Остался след алой губной помады. Она же собиралась быть на экзамене очень красивой!

...Как это Дольчикова ходит совсем без косметики, лицо словно мукой обсыпано?..

Парень, сидевший на краю кадки, держал на коленях толстую книгу и читал, не поднимая головы, словно там было написано невесть что такое. Настя прошла мимо, пытаясь рассмотреть, что он читает, но не рассмотрела.

...Господи, когда уже будут эти дурацкие списки?!

Она пролиستала в телефоне сообщения — еще утром запостила, что сегодня прослушивание, и все желали ей удачи. Какой удачи, она по коридору слоняется, ее даже слушать не стали, и нет никакой удачи!.. Лайкнула Соню — она кул. Соня выложила фотки с «позднего завтрака» где-то на Патриках, и Настя вдруг остро ее возненавидела. Конечно, легко «поздно завтракать» на Патриках, когда у тебя папаша богатенький и мамаша похожа на Кьяру Ферраньи, крутейшую блогершу!.. И фотки красивенькие выкладывать легко, а вот поди попробуй в театральный поступить, да еще без всякого блага!..

...Парень на кадке почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат, оторвался на миг от своей книги, обвел взглядом толпу и опять уткнулся. Настя замерла.

Он оказался красивым. Очень. Тонкое лицо, четкие скулы с пролезшей щетиной, длинный нос, очень ему шедший, — если человеку на самом деле может идти его собственный нос!..

Вот кого точно примут! Просто за красоту. Вообще не понадобится басня «Лиса и Бобер».

Настя моментально забыла Соню, Марьяну и Руस्ताма — может, Соня уже зафрендилла его обратно?.. Настя даже об экзамене позабыла и о ректоре, которого возненавидела, — так ей понравился парень.

Она прошла мимо кадки раз, другой. Он больше не поднимал головы, только еще раз почесался, и Настя восхитилась рукой — длинные пальцы, нервная кисть.

Тогда она кинулась и пристроилась рядом, на край. Стало холодно в груди, а щеки, наоборот, загорелись.

Парень взглянул на нее.

— Сесть негде, — залихватским тоном объяснила Настя и подбородком показала на толпу. — Это все потому, что в школу никому не надо аж до одиннадцатого мая, праздники же! Привет!

— Да, многовато людишек, — согласился парень. У него и голос оказался приятным! — Привет!

И вновь принялся за чтение.

Настя заглянула в книгу. Там какой-то Григорий куда-то волок какую-то Аксинью. Вот дикость!..

— Ты что, это читать будешь?!

— А?

— У тебя монолог отсюда?! Ты че, кто это будет слушать?! Они даже стихи не слушают!..

— Кто... не слушает?

— Они, — Настя мотнула головой в сторону экзаменационного класса. — Или ты уже читал?

— «Тихий Дон»? — спросил парень в изумлении. — Конечно, читал. Но сейчас время есть, я перечитываю.

— Твою десятку уже вызывали? Ты к какому мастеру поступаешь?

Парень захлопнул книгу. На обложке было набрано строгими буквами «Тихий Дон».

В школе проходили этот самый «Дон», даже сочинение по нему давали, но ловкая Настя умудрилась написать не читая. Когда ей всякую старинную дребедень читать?!

Настя незаметно выдернула бретельку майки из-под лифчика, чтоб красиво спадала, и втянула живот. От втягивания ее сильно качнуло назад, в кадку, и парень поддержал ее под спину.

Рука у него... боже, какая у него рука!..

— Мастер у меня профессор Якобсон Михаил Григорьевич, — сказал парень. — То есть декан. Я поступил в прошлом году, и не сюда, а в ИСАА.

— Что это такое — иисааа?

— Институт стран Азии и Африки, — объяснил парень обстоятельно. — Не знаешь?..

— Ты что, не поступаешь в театральный?!

— Нет, — он вздохнул. — Я год назад поступил в ИСАА.

— А почему ты тогда... здесь?

— Я с другом хожу. Он один раз уже завалил, боится, что опять завалит. Я для моральной поддержки.

Настя от горя чуть не зарыдала. Он не поступает!.. Он просто так сидит на кадке!.. Она больше никогда, никогда его не увидит!..

— Как тебя зовут? — выговорила она в отчаянии, словно уже прощаясь с ним навсегда.

— Даня, — сказал парень. — Данила Липницкий, а тебя?

— Настя Морозова. А... «Тихий Дон»... интересная книга?..